

Елена Горлова

ОСОБЕННОСТИ РОДИТЕЛЬСКОЙ ПОЗИЦИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К РЕБЕНКУ МЛАДЕНЧЕСКОГО И РАННЕГО ВОЗРАСТА

Аннотация. Обсуждается содержание родительской позиции по отношению к ребенку младенческого и раннего возраста в контексте культурно-исторического подхода Л.С. Выготского. Включенность переживаний ребенка в родительское взаимодействие, согласованность позиций матери и отца рассматриваются как критерии функциональности родительской подсистемы на стадии жизненного цикла семьи «триада». Раскрыто содержание конкурирующей и согласованной родительских позиций матери и отца на основе анализа протоколов лонгитюдного наблюдения за семейной коммуникацией (N. Favez, E. Fivaz-Depeursinge и др.).

Ключевые слова: родительская позиция; психологический возраст; ранний возраст; переживание ребенка; возрастное психологическое новообразование; сознание «пра-мь»; апперцепция.

Abstract. The content of the parental position towards babies and infants in the context of L.S. Vygotsky's cultural-historical approach is discussed. The inclusion of child's emotional experience in parents' interaction, coordination between of mother's and father's positions are considered as criteria for functionality of the parental subsystem at the stage of "triad" family life cycle. By the example of analysis of protocols of the longitudinal observation for family communication (N. Favez, E. Fivaz-Depeursinge, etc.) the content of competing and coordinated parental positions have been revealed.

Keywords: parental position; mental age; child's emotional experience; age-related psychological new formation; awareness of "primordial we" (or "Great We"); apperception.

Этап триады
в жизненном цикле
семьи

В семейной психологии рождение первенца рассматривается как отдельный этап жизненного цикла семьи, который носит название «семья с маленьким ребенком» или сокращенно триада. На этой стадии формируется родительская подсистема, то есть семейные коммуникации супругов по поводу ухода, воспитания, развития, обучения ребенка. В семейной психологии функциональное поведение родителей на этом этапе связывается с формированием новой системы удовлетворяющих супругов семейных правил, подчиненных потребностям нового члена семьи, становлением согласованной родительской позиции, наряду с освоением и осознанием

супругами индивидуальных ролей – материнской и отцовской. Содержание данных коммуникаций, динамика и результат становления родительской подсистемы при переходе семьи на этап триады представлены в семейной психологии в самом общем виде. Одним из актуальных и перспективных вариантов изучения семейного общения на этом этапе может стать интеграция в психологическом исследовании системного семейного и культурно-исторического подходов. Объединяющим основанием выступает рассмотрение семьи как целостной системы, в которой ребенок является активным субъектом семейного взаимодействия.

Социальная
ситуация развития
в трудах
Л.С. Выготского

В культурно-исторической психологии фокус внимания исследователя удерживается на социальной ситуации развития как уникальной системе отношений ребенка с семейным окружением. В трудах Л.С. Выготского социальная среда и развивающийся человек не противопоставляются друг другу, социальная ситуация развития предполагает активность самого ребенка в ее построении. Л.С. Выготский писал: «Если дать некоторое общее формальное положение, было бы правильно сказать, что среда определяет развитие ребенка через переживание среды. Самым существенным, следовательно, является отказ от абсолютных показателей среды; ребенок есть часть социальной ситуации, отношение ребенка к среде и среды к ребенку дается через переживание и деятельность самого ребенка; силы среды приобретают направляющее значение благодаря переживанию ребенка. Это обязывает к глубокому внутреннему анализу переживаний ребенка...» [1, с. 382–383]. В этом контексте основным вектором развития родительской подсистемы мы рассматриваем создание матерью и отцом согласованной родительской позиции, включающей анализ переживаний ребенка, обусловленных его психологическим возрастом.

Психологический возраст в культурно-исторической традиции задается возрастным психологическим новообразованием, новым строением личности и сознания ребенка, которое определяет его поведение и общение с близкими взрослыми [2]. Сопряженность поведения отца и матери с переживаниями ребенка и согласованный выбор содействий в триаде мы рассматриваем в качестве приоритетного критерия функциональности родительской подсистемы. Критерием дисфункциональности семьи на этапе триады можно считать конкурирующие отцовскую и материнскую индивидуальные позиции при отсутствии согласованной с психологическим возрастом ребенка общей родительской позиции.

Структурированное наблюдение в изучении родительской позиции

В современных исследованиях родительского взаимодействия с детьми основной акцент делается на изучении паттернов материнского общения с ребенком, а основным методом является структурированное наблюдение. Например, выявлены разнообразные характеристики материнского отношения к ребенку младенческого или раннего возраста: в разных культурах (М. Liu, X. Chen, K. Rubin, S. Zheng и др.), с разным опытом привязанности матери в ее детстве (Е.И. Захарова, А.И. Тюрина), с различным статусом здоровья ребенка (Т.П. Кудрина, Г.А. Мишина), с разным типом отношения к беременности (А.В. Локтионова) [3–7].

Редкое исследование, посвященное динамике триадных отношений «мать–отец–ребенок», провели швейцарские авторы Nicolas Favez, Francesco Lopes, Mathieu Bernard, France Frascarolo, Chloe Lavanchy Scaiola, Antoinette Corboz-Warnery, Elisabeth Fivaz-Depeursinge [8]. Цель этого лонгитюдного исследования – оценка качества семейного альянса, то есть качества семейных интеракций триадного вида на этапе перехода семьи от диады к триаде, описание типов семейного взаимодействия в сравнении с последующим развитием детей в возрасте пяти лет.

Культурно-исторический подход в анализе случаев семейного взаимодействия

Авторы получили множество интересных данных о семейном взаимодействии, однако для наших целей наиболее важно было рассмотреть именно соотношение переживаний ребенка младенческого и раннего возраста с содержанием коммуникаций в становящейся родительской подсистеме. В статье содержатся протоколы наблюдений для иллюстрации обнаруженных швейцарскими коллегами паттернов взаимодействия матерей и отцов в специально созданной ситуации игры с ребенком трех, девяти и восемнадцати месяцев. Мы воспользовались имеющимися у авторов описаниями случаев (кейсами) для их интерпретации в логике культурно-исторического подхода, то есть, с одной стороны, анализировали, в какой степени представлены в семейном общении общая родительская позиция, уровень согласованности, консолидированности материнско-отцовского взаимодействия. С другой стороны, мы оценивали «созвучие» совместных действий родителей с переживаниями и активностью ребенка, сравнивая таким образом меру комплементарности родительского поведения возрастным психологическим новообразованием в семьях с наличием/отсутствием общей родительской позиции матери и отца.

Критерии оценки семейного альянса в системном семейном подходе

N. Favez и соавторы выделили четыре иерархически выстроенных параметра для оценки семейного альянса

(триадных отношений «мать–отец–ребенок»), где наличие одного условия необходимо для достижения последующего: «(1) Все члены семьи должны быть включены во взаимодействие (участие) так, чтобы (2) роли могли быть распределены: кто будет “говорить” сначала, кто будет инициатором и аниматором игры (организация), как и кем будет организована очередность действий. (3) Внимание участников должно быть сосредоточено на одной и той же задаче, чтобы совместно конструировать последовательность действий (сосредоточенность, единый фокус внимания), (4) и только при этом будет возможен эмоциональный обмен, участники смогут разделить общее удовольствие (эмоциональный взаимообмен)» [8, с. 546]. Как видим, семейный альянс детерминируется четырьмя коммуникативными функциями: участие (participation), организация (organization), сосредоточенность на общей задаче (focalization) и эмоциональный обмен, влияние (affect sharing).

Три типа семейного альянса: стабильно высокий, стабильно низкий, от высокого к низкому

На основе данных параметров авторы выделили три типа семейного альянса: 1 – стабильно высокий, когда качество семейных коммуникаций по вышеописанным четырем критериям сохраняется стабильно высоким на протяжении всех трех наблюдений; 2 – семейный альянс стабильно низкий, все четыре характеристики с низкими оценками; 3 – снижение семейного альянса (от высокого к низкому), когда семейный альянс становится менее функциональным с каждым последующим эпизодом наблюдения. Исследователи не обнаружили ни одного случая улучшений семейного альянса (повышения от низкого к высокому). Этот факт объясняют тем, что рождение ребенка в семье не способствует оптимизации семейной коммуникации. Наоборот, в 38% случаев функциональность супружеского взаимодействия снижается, причем наибольшее снижение обнаруживается между эпизодами наблюдения за взаимодействием с трехмесячным и девятимесячным младенцем. Следует отметить, что исследователи не обнаружили прямой корреляционной связи качества семейного альянса и уровня удовлетворенности браком у супругов, то есть как при низкой удовлетворенности супружескими отношениями, так и при высокой встречаются семьи с разным качеством триадных отношений.

Примеры соотношения родительской позиции и переживания ребенка младенческого и раннего возраста

Благодаря подробным описаниям семейного взаимодействия (протоколам наблюдений), иллюстрирующим типологию семей, нам удалось рассмотреть общение матери и отца с ребенком через призму идей культурно-исторической психологии и выделить разные

варианты соотношения родительской позиции матери и отца с интенциями ребенка. Мы пытались найти ответы на вопросы, каким образом в семейное общение включены переживания ребенком различных аспектов среды, как связаны эти переживания с возрастными психологическими новообразованиями в младенческом и раннем возрасте и как они включены в становление родительской подсистемы. Рассмотрим первый эпизод, представленный в качестве иллюстративного материала в статье N. Favez и соавторов. Представим анализ интеракций матери и отца, создающих унисон родительского взаимодействия с возрастными особенностями ребенка (его переживаниями среды).

Семья с высоким уровнем семейного альянса

«Родители Роберта по очереди обращаются к нему. Игры соответствуют возрасту ребенка. В три месяца Роберт только что поел и проявляет беспокойство, связанное с коликами в животе. Мама делает массаж животика и озвучивает имеющийся дискомфорт у Роберта. Отец имитирует вокализации ребенка, которые Роберт в этот момент адресует матери, а затем пропевает детский стишок, мама присоединяется к отцу.

Позитивная диада

Роберт внимательно смотрит и вокализирует в конце стишка, оба родителя улыбаются и смотрят друг на друга. В девять месяцев наблюдается подобная сцена. Роберт заинтересованно смотрит на наручные часы отца, мама озвучивает эту заинтересованность Роберта в часах, ребенок переводит взгляд на нее, она закрывает лицо руками, играет в “ку-ку”, отец также вовлекается в игру. Роберт смотрит на родителей поочередно и криками выражает волнение, удовольствие.

В восемнадцать месяцев игра символическая, доступны игрушки, среди которых есть пластиковые чашечки. Родители предлагают поиграть в чаепитие. Сначала ребенок интересуется другими игрушками, бросает их на пол. Тогда родители начинают совместную игру, приветствуют друг друга, берут чашки, начинают размешивать “чай” ложечкой. Роберт наблюдает за их игрой и расплывается в улыбке. Он протягивает руку и говорит “чай”. Мать показывает ему свою чашку, Роберт заглядывает внутрь чашки. Он берет у матери чашку и ложку, чтобы размешать чай. Мать берет себе третью чашку, и они все говорят: “Ура!” В каждом эпизоде все участники вовлечены в создание игры. Наблюдая их пристальные взгляды и обмен улыбками, у исследователя складывается впечатление, что эти три члена семьи разделяют момент игры и забавы» [8, с. 549].

Родительское
соосмысление
переживаний
ребенка – критерий
согласованной
позиции матери и
отца

N. Favez с коллегами в первую очередь оценивали по обозначенным выше четырем критериям качество коммуникативного контакта в триаде. Нам же важно было обратить внимание на возрастные психологические новообразования младенческого и раннего возраста, которые ярко проявляются в переживаниях Роберта и вплетены во взаимодействие родителей друг с другом и сыном. Наиболее емко эти новообразования раскрываются в работах Г.Г. Кравцова, посвященных онтогенезу воли, определяемой им как осмысленная инициатива: «Самые первые проявления воли можно наблюдать уже у младенца. В комплексе оживления ребенок совершает усилие, сосредоточивая свое сознание на лице взрослого. Он пока не владеет своей сенсорикой, и его глазки не вполне конвергируют должным образом. Из хаоса впечатлений, ощущений, идущих от внешнего мира и от собственного тела, он выстраивает космос человеческого бытия» [9, с. 35]. С точки зрения Г.Г. Кравцова, первое проявление волевой функции в онтогенезе – это апперцепция в диадо-монаде «взрослый – ребенок». Здесь развивается не изолированно взятый ребенок, а единица «взрослый – ребенок». В этой диадо-монаде воля как осмысленная инициатива находится на полюсе взрослых, которые не только всемерно поощряют, провоцируют, стимулируют активность младенца, но и осмысливают ее: «Взрослый радуется встречной радости малыша, улыбающегося ему всем своим беззубым ртом и хаотично двигающего ручками и ножками. В этом возрасте ребенок крайне нуждается в эмоциональном и непосредственном физическом общении со взрослым. Можно сказать, что в этом общении волевое начало “перетекает” от взрослого к ребенку» [Там же, с. 35–36]. Эта позиция взрослого по отношению к ребенку в трудах Л.С. Выготского называется сознанием «пра-мь» [1].

Пример
согласованной
родительской
позиции матери
и отца

В семье Роберта родители не только показывают высокие уровни параметров оценки семейного альянса: участия, организации, сосредоточенности, эмоционального отклика, но и создают индивидуальную социальную ситуацию развития ребенка с опорой на центральное возрастное психологическое новообразование, проявленное в поведении ребенка.

Как видим, в семье Роберта и в три, и в девять месяцев мама проявляет отзывчивость в апперцептивном контакте с ребенком. Она замечает и интерпретирует, озвучивает переживания ребенка (колики в животе, сосредоточенность на часах папы), она «подхватывает» взглядом, словом малейшие изменения состояния мла-

денца, его интенциональные состояния, включает словесно сделанные обобщения в следующий такт общения (от означивания словом направления взгляда ребенка на часы папы переходит к игре в «ку-ку»). Отец наблюдает за этим «танцем» взаимодействия матери с ребенком и вовлекается в паузу, подражает вокализациям ребенка, переключая его взгляд и активность на себя, поддерживая сделанное мамой обобщение (поочередная игра в «ку-ку» мамы и папы с Робертом).

Родители вовлекают ребенка в диалог и сотрудничество

В социальной ситуации развития в раннем детстве родители вовлекают Роберта в диалог и сотрудничество. В восемнадцать месяцев ребенок бросает игрушки (проявляет инициативность), родители отвлекают ребенка от разрушительного действия через вовлечение его в повторение знакомых малышу действий с игрушечными пластиковыми чашками. Ребенок откликается на игровую совместность родителей, протягивает руку (чувствительность к действиям взрослого) и произносит слово «чай» (активная речь, речевое общение). В этом сочетании слова и действия выражается суть новообразования раннего возраста, возникновения речи как высшей психической функции.

Слово как знак переживания ребенка в раннем возрасте

В культурно-исторической психологии слово, ставшее знаком, имеет целый ряд отличительных признаков. Анализируя достижения ребенка в начале первого года жизни, Г.Г. Кравцов особое место в развитии речи отводит требовательному произнесению ребенком слова «Дай!» Малыш через сознательное хныканье или слово «дай» обращается к взрослому и сознательно устремляется к цели – привлекающему его внимание предмету. В общении с родителями звуки превращаются в слова – знаки желаний ребенка. Г.Г. Кравцов подчеркивает, что это качественно новое состояние сознания ребенка, связанное с одновременным удержанием сразу трех разнородных вещей, ранее существовавших в сознании ребенка только по отдельности: звук – взрослый – предмет. Так, если младенец тянулся к предмету, то предмет заслонял собою все, что его окружало, в том числе и взрослого. Если же младенец замечал взрослого, то непосредственное общение с ним было самодовлеющим и не впускало иное содержание. Наконец, хорошо себя чувствующий малыш, выпавшийся и накормленный, мог длительное время гулить, лепетать, сосредоточиваясь только на звуках. Г.Г. Кравцов подчеркивает, что в слове «дай» разрывается общность желаний взрослого и ребенка: теперь малыш указывает на *желаемый предмет*, который может дать ему *взрослый*, благодаря про-

Ребенок словом
выражает намерение
включиться
в общение

изнесенному слову [10]. Это достижение малыша становится возможным благодаря ежечасному вслушиванию, вчувствованию родителей в мир переживаний ребенка, их истолкованию и включению в семейное общение.

Как видим, Роберт в свои восемнадцать месяцев произносит слово «чай», которое объединяет в себе целый спектр различных аспектов ситуации семейного общения: выражает намерение включиться в совместную деятельность с родителями, воспринимая взрослого как того, кто может предоставить ему нужные предметы. Роберт протягивает руку, указывая на желаемый предмет (чашка с ложкой), и здесь слово «чай» выступает как знак, имеющий значение, адресованное взрослому. Г.Г. Кравцов уточняет: «Теперь, когда у ребенка есть значащее слово, которым он владеет, и есть предмет, к которому он устремлен, общение со взрослым становится произвольным и опосредованным. Теперь ребенок не теряет себя, погружаясь в непосредственное общение-слияние со взрослым. Теперь общение стало содержательным, предметным и речевым» [Там же, с. 167].

Вовлеченность в совместную с родителями деятельность позволяет ребенку через действия с предметами схватывать и удерживать целостный смысл ситуации, проявлять инициативу в предметно-опосредованном речевом общении с родителями. В этой связи приведем высказывание Л.С. Выготского: «Детская речь не является личной деятельностью ребенка. <...> Только рассмотрение индивидуальной речи как части диалога, сотрудничества, общения дают ключ к пониманию ее изменений. <...> Всякое самое примитивное детское слово является частью целого, внутри которого оно взаимодействует с идеальной формой. <...> Мы видим, что источник новообразования теснейшим образом связан с отношениями ребенка и взрослых – сотрудничеством с ними» [1, с. 356–357].

Критерии
компетентной
родительской
позиции
по отношению
к младенцу

На необходимость вовлеченности взрослого в имитацию вокализаций ребенка первого года жизни указывает и Г.А. Мишина [6]. В ее исследовании доказано, что для развития речи как высшей психической функции необходима организация социальной среды, где взрослый, начав с подключения к реакциям ребенка, «заражения», «совместно разделенного переживания», создает общность с ребенком и устанавливает сознание типа «пра-мь». Создание смысловой общности и эмоциональной насыщенности обращений взрослого через интонирование, взгляд, жест – важнейшие характеристики компетентности родителей. Взрослый в ситуации «пра-

мь» заражается переживанием ребенка сначала сам, а затем наполняет ситуацию взаимодействия смыслом и «заражает» ребенка эмоциями, в первую очередь через мимику и интонацию, определяя и обозначая качество переживания. Взрослый становится опосредующим звеном между ребенком и его потребностями, помогая малышу осмыслить происходящее с ним.

О важности обращенного к младенцу материнского фольклора в виде эмоционально насыщенных пестушек, потешек, колыбельных говорит Н.Ю. Паутова. Она полагает, что через колыбельную мама закладывает систему отношений в мире людей, организует пространство младенца по принятым моделям общества, устои и правила которого впитываются с первых дней жизни [11].

В работе А.В. Локтионовой особое место занимает тренинг «чуткости матери», расширения ее компетентности в понимании невербального языка младенца [7].

Как видим, в отечественных исследованиях прежде всего проводится анализ компетентности матери в диалогическом общении с ребенком, ее отзывчивости, готовности не только удовлетворять биологические потребности малыша, но и держать в фокусе осмысление его переживаний в отношении того или иного аспекта социальной среды. В исследовании N. Favez с коллегами основной акцент сделан на качестве коммуникации в родительской подсистеме [8]. Наш анализ показал, что по протоколам наблюдений, представленных этими авторами, можно оценить не только качество семейной коммуникации, но и степень сопряженности общей родительской позиции с возрастным психологическим новообразованием ребенка: апперцептивным сознанием «пра-мь» в младенчестве и речевым предметно-опосредованным общением в раннем детстве.

Приведем перевод еще двух кейсов-протоколов наблюдений из статьи швейцарских коллег и их краткий анализ [Там же].

Семья Артура относится к типу со стабильно низким качеством семейного альянса. «Артуру три месяца, мама наклоняется и щекочет кончиками своих волос животик Артура, отец смотрит на это, но лицо его остается безучастным. Когда мать немного отодвигается, отец наклоняется к Артуру, несколько раз называет его по имени и дует ему лицо. Затем берет ручки Артура и встряхивает ими. Теперь у мамы ничего не выражающее лицо, за исключением натянутой, “застывшей” улыбки. Артур вздыхает, отец отпускает его руки. В тот же момент мама снова наклоняется к животу и щеко-

Согласованная
родительская
позиция и ее связь
с возрастным
психологическим
новообразованием
ребенка

Семья с низким
качеством семейного
альянса

Попытки привлечь внимание ребенка терпят фиаско

чет Артура. Родители не смотрят друг на друга, конкурируя за внимание ребенка.

В девять месяцев Артур заинтересованно рассматривает пояс, которым он пристегнут к стульчику. Между тем мать поет детскую песенку, а отец молча смотрит на своего сына. Артур переводит быстрый взгляд на мать, затем вновь продолжает исследовать ремешок. Папа пробует пощекотать Артура, но делает это довольно энергично. Мать говорит мужу, что малышу не нравится, когда его так щекочут. Отец останавливает щекотку, откидывается на стуле и смотрит только на сына. Мать мягко щекочет Артура, а он продолжает рассматривать пояс. Мать громко смеется и говорит мужу: «Ему действительно неинтересно с нами». Отец, не глядя на нее, изображает на лице нечто похожее на улыбку-ухмылку, наклоняется к ребенку и забирает ремешок.

В восемнадцать месяцев Артуру нравится бросать игрушки на пол. Мать говорит ему, что, если он будет продолжать, у него ничего не останется для игры. Отец тем временем подражает звукам животных, но Артур продолжает бросать игрушки на пол. Как только все игрушки оказываются на полу, мальчик смотрит на своих родителей. Отец встает, поднимает игрушки и вновь усаживается на стул. Мать смотрит на отца, ее лицо напряжено. Отец берет в руки корову. Артур начинает мычать. Мать тем временем, взяв в руки чашку, просит, чтобы Артур угостил ее кофе. Артур берет чашку и начинает «пить». Отец вновь откидывается на стуле и наблюдает за сыном. Артур бросает быстрый взгляд на отца. Мать говорит ему, что он прольет кофе. Отец улыбается, наклоняется к Артуру и также берет чашку. Тогда мать объявляет: «Игра закончена» [8, с. 550].

Конкуренция в родительском общении с ребенком и низкий уровень распознавания матерью и отцом его переживаний

N. Favez с коллегами показали пример нарушения семейной коммуникации. Родители вступают в конкуренцию друг с другом за ведущую роль во взаимодействии с ребенком, за то, чтобы быть инициатором игры; при этом все компоненты триадных отношений получают низкую оценку.

Мы же в логике предыдущих рассуждений можем отметить важный факт: в очень редкие моменты родители проявляют апперцептивное (осмысляющее целостную ситуацию) сознание «пра-мь» с ребенком. Так, в три месяца папа встряхивает ручками Артура, ребенок вздыхает, папа откликается на его вздох и отпускает руки сына, но далее ни мама, ни папа не осмысливают

этот вздох. Мама не только не стремится включиться в новый контекст, заданный переживанием ребенка, но и вновь пытается навязать ему свое развлечение (пощекотать кончиками своих волос малыша). В этот момент отец молчаливо отстраняется.

Объединение усилий родителей по созданию условий для совместной игры с ребенком

В девять месяцев Артур внимательно смотрит на пояс, удерживающий его на стульчике, при этом никто из родителей не делает попытки сделать шаг к со-апперцепции: например, мама могла бы озвучить, «какой это пояс», а папа мог бы помочь его застегнуть и расстегнуть. Распознавание исследовательского намерения ребенка могло бы стать основанием для объединения усилий родителей по созданию совместной игры втроем.

В восемнадцать месяцев ребенок пытается привлечь внимание разными способами: бросает игрушки, родители присутствуют, ждут, отслеживают, кто из них первым сделает шаг в игре. Как только папа берет в руки корову, ребенок проявляет чувствительность, озвучивает действие отца звукоподражанием, «мычит», с удовольствием вступая в контакт с отцом. Мать же прерывает завязавшийся было «диалог», предлагая ребенку угостить ее кофе. Ребенок гибко отвечает на предложение матери и начинает выполнять новое действие, вовлекая в него отца. Но как только отец откликается и берет чашку, мать прекращает игру. В этой семье отец в отдельные моменты присоединяется к переживаниям сына, но нарушение межродительского взаимодействия и отсутствие общей родительской позиции мешают выстроить триадные отношения, обусловленные психологическим возрастом ребенка. Как видим, в семье Артура с низким качеством семейного альянса супруги конкурируют друг с другом, действуя без опоры на переживания ребенка.

Семья с последовательным снижением качества семейного альянса

В описании семьи Джеймса (от высокого к низкому уровню семейного альянса в классификации авторов) есть эпизоды, когда мама в большей степени распознает и осмысливает вокализации и направления взгляда, движения ребенка, в отдельные моменты отзывчивее отец. В паре же отец – мать отсутствует слаженность и соподчиненность интенциям ребенка.

Колебание степени семейной коммуникации на разных возрастных этапах младенца

По оценке авторов, в первом эпизоде (когда Джеймсу было три месяца) родители проявляли высокую степень семейной коммуникации, а в последующих эпизодах (в девять и восемнадцать месяцев) – низкую.

«В три месяца мать Джеймса говорит очень мягко и поет песенку. Отец начинает делать с Джеймсом гимна-

стические упражнения, двигая поочередно руками и ногами малыша. В эти моменты Джеймс заинтересованно смотрит то на одного, то на другого родителя и улыбается отцу в конце физических упражнений. В ответ на улыбку Джеймса родители смеются, и взгляд Джеймса становится еще более сосредоточенным.

В девять месяцев Джеймс интересуется бусами на шее своей матери. Мать наклоняется и называет цвета бусин, на которых останавливается взгляд Джеймса. В то время как мать показывает бусины и называет их цвета, отец делает попытки рассказать стишок, “оживляя” чтение движениями рук. Мать продолжает играть с Джеймсом, перебирая бусы. Джеймс, не отрываясь, смотрит на ожерелье. Отец делает паузу, откидывается на своем стуле и осматривает комнату, где они играют.

В восемнадцать месяцев повторяется подобный момент игры. В то время как отец предлагает поиграть с чашками, приготовить кофе и протягивает Джеймсу чашку, мать играет с игрушечными животными (лошадь, корова, свинья), подражая издаваемым ими звукам. Джеймс смотрит то на чашку, то на игрушечную лошадь и выглядит озадаченным. Мать продолжает озвучивать животных. Джеймс подражает мычанию коровы и поворачивается к отцу с широкой улыбкой на лице. Отец в ответ предлагает ему кофе, протягивая чашку. Джеймс возвращается взглядом к матери, которая в этот момент берет лошадку и начинает цокать языком. Тогда отец ставит чашку и откидывается на стуле, наблюдая с безучастным выражением лица за игрой Джеймса с мамой» [8, с. 549–550].

В этой семье более высокую степень согласованности родители проявляют в общении с трехмесячным Джеймсом, однако уже и в этом эпизоде мама и папа действуют по очереди, предлагая альтернативное содержание взаимодействия (мама поет, папа делает гимнастику). В эпизоде с девятимесячным Джеймсом мама строит диадно-монадную апперцепцию, со-разглядывая с сыном бусы, в то время как папа задает новый неконгруэнтный данному моменту общения контекст – читает стишок, отвлекая Джеймса от бус и контакта с мамой. Отсутствие отклика со стороны ребенка «обездвиживает» папу. В восемнадцать месяцев ребенок также оказывается в «зазоре» между двумя альтернативами сотрудничества – выбрать подражание действиям папы (игра с чашками) или мамы (игра с фигурками животных).

В этой семье с последовательным снижением качества семейного альянса родители предлагают различ-

Рассогласованность инициатив родителей, направленных на привлечение внимания полуторагодовалого ребенка

Согласованность действий матери с переживаниями ребенка при отсутствии общей родительской позиции с отцом

Показатели функциональности родительской подсистемы

ные варианты осмысления переживаний ребенка, но делают это изолированно друг от друга, без опоры на общую родительскую позицию.

Итак, во всех трех приведенных примерах зарубежные коллеги оценивали качество семейного альянса, взаимодействия «мама – папа – ребенок» по следующим критериям:

- 1) участие (контекстное, телесное, визуальное);
- 2) организация (телесная и визуальная);
- 3) сосредоточенность на общей игре;
- 4) эмоциональный обмен.

Результаты анализа родительских ожиданий с позиций культурно-исторического подхода

Как показал наш анализ, выполненный с позиций культурно-исторического подхода, в первой семье (с высоким семейным альянсом) мать и отец Роберта не только демонстрируют все четыре аспекта семейного взаимодействия, но и соподчиняют свои действия интенциям, переживаниям ребенка. Они совместно управляют содержанием и процессом взаимодействия, двигаясь в одну сторону от потребностей ребенка, создавая пространство для его инициативного действия, осмысливая контекст последующих со-действий. Родители Роберта умело выстраивают границы как общей родительской позиции, так и индивидуальных (материнской и отцовской) конгруэнтно переживаниям ребенка, тем самым индивидуализируя социальную ситуацию развития. Сотрудничество матери и отца в осмыслении интенций ребенка и согласованность общей родительской позиции с психологическим возрастом ребенка – показатель функциональности родительской подсистемы.

В семье Артура мы видим не только низкое качество всех четырех параметров семейной коммуникации, но и изолированные от переживаний ребенка отцовскую и материнскую позиции, отсутствие общей родительской позиции.

В семье Джеймса постепенно нарастает соперничество материнской позиции, консолидированной с инициативой ребенка, и изолированной, самодовлеющей позиции отца, от эпизода к эпизоду происходит «размывание», рассогласованность общей родительской позиции.

В супружеских отношениях к ребенку могут нарастать напряжение и конкуренция

В супружеских отношениях на этапе перехода от диады к триаде могут нарастать напряжение и конкуренция вместо формирования родительской общности. Мать и отец в большей степени отслеживают, осмысливают, принимают во внимание поведение партнера и эмоциональное состояние друг друга, но при этом слабо удерживают в поле общения инициативные действия,

На этапе становления родительской позиции слаженная супружеская пара удерживает внимание своего ребенка

интенциональные состояния ребенка, тем самым обедняя социальную ситуацию развития ребенка. Родители не становятся коллективным субъектом апперцепции, сознания «пра-мь» в младенческом возрасте и предметно-опосредованного речевого взаимодействия в раннем детстве.

Анализируя содержание общей родительской позиции на этапе становления родительской подсистемы, следует еще раз выделить тот факт, что слаженная супружеская пара удерживает в фокусе внимания не столько действия (противодействия) супруга, сколько направление взгляда, движения, вокализации малыша, подключается к ним, то есть родители осмысливают и развивают переживания ребенка, обогащая социальную ситуацию развития.

Результаты исследования могут стать основанием для разработки программ развития родительской подсистемы на этапе перехода семьи на стадию жизненного цикла «триада».

1. *Выготский Л.С.* Проблема возраста // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Детская психология. – М., 1984. – С. 243–385.

2. *Горлова Е.Л.* Психологический возраст ребенка как основание для проектирования стратегий развития родительской компетентности // Национальный психологический журнал. – 2013. – № 2. – С. 134–141.

3. *Liu M., Chen X., Rubin K., Zheng S., Cui L., Li D., Chen H., Wang L.* Autonomy-vs. connectedness-oriented Parenting Behaviors in Chinese and Canadian Mothers // International Journal of Behavioral Development. – 2005. – No. 29 (6), pp. 489–495. – URL: <http://jbd.sagepub.com/cgi/content/abstract/29/6/489> (дата обращения: 23.04.2009).

4. *Захарова Е.И., Тюрина А.И.* Особенности взаимодействия матери с ребенком младенческого и раннего возраста в зависимости от характера привязанности к собственной матери // У истоков развития: сборник тезисов участников Четвертой Всероссийской научно-практической конференции по психологии развития. – М., 2013. – С. 36–38.

5. *Кудрина Т.П.* Особенности взаимодействия матерей и слепых младенцев // У истоков развития: сборник тезисов участников Четвертой Всероссийской научно-практической конференции по психологии развития. – М., 2013. – С. 39–41.

6. Мишина Г.А. Становление речи как психологического средства: дис. ... д-ра психол. наук / Российский государственный гуманитарный университет. – М., 2012.

7. Локтионова А.В. Программа психологического сопровождения ранних нарушений контакта матери и младенца: от напряжения и неуверенности к спокойствию и надежности в роли матери // У истоков развития: сборник тезисов участников Четвертой Всероссийской научно-практической конференции по психологии развития. – М., 2013. – С. 43–44.

8. Favez N., Lopes F., Bernard M., Frascarolo F., Scaiola C.L., Corboz-Warnery A., Fivaz-Depeursinge E. The Development of Family Alliance From Pregnancy to Toddlerhood and Child Outcomes at 5 Years // *Family Process*. – 2012. –V. 51. –No. 4, pp. 542–556. –URL: http://www.readcube.com/articles/10.1111%2Fj.1545-5300.2012.01419.x?r3_referer=wol&tracking_action=preview_click&show_checkout=1 (дата обращения: 10.11.2014).

9. Кравцов Г.Г. Отногенез воли // Вестник РГГУ. – 2012. – № 15 (95). – С. 29–41.

10. Кравцов Г.Г. Психологические средства личности // Материалы первых чтений памяти Л.С. Выготского. – Москва, 15–17 ноября 2000 г. / под ред. И.А. Петуховой. – М., 2001. – С. 162–174.

11. Паутова Н.Ю. Колыбельные как средство формирования модели мира ребенка младенческого возраста // Развитие личности. – 2010. – № 1. – С. 239–249.

References

1. Vygotskij L.S. Problema vozrasta. In: *Sobranie sochinenij*. V 6 t. T. 4. Detskaya psihologiya. Moscow, 1984, pp. 243–385. (in Russian)

2. Gorlova E.L. Psihologicheskij vozrast rebenka kak osnovanie dlya proektirovaniya strategij razvitiya roditel'skoj kompetentnosti. In: *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*. 2013. No. 2, pp. 134–141. (in Russian)

3. Liu M., Chen X., Rubin K., Zheng S., Cui L., Li D., Chen H., Wang L. Autonomy-vs. connectedness-oriented Parenting Behaviors in Chinese and Canadian Mothers. In: *International Journal of Behavioral Development*. 2005. No. 29 (6), pp. 489–495. URL: <http://jbd.sagepub.com/cgi/content/abstract/29/6/489> (data obrashcheniya: 23.04.2009).

4. Zaharova E.I., Tyurina A.I. Osobennosti vzaimodejstviya materi s rebenkom mladencheskogo i rannego vozrasta v zavisimosti ot haraktera privyazannosti k sobstvennoj materi. In: *U istokov razvitiya: sbornik tezisov*

uchastnikov Chetvertoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii po psihologii razvitiya. Moscow, 2013, pp. 36–38. (in Russian)

5. Kudrina T.P. Osobennosti vzaimodejstviya materej i slepyh mladencev. In: *U istokov razvitiya: sbornik tezisov uchastnikov Chetvertoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii po psihologii razvitiya*. Moscow, 2013, pp. 39–41. (in Russian)

6. Mishina G.A. *Stanovlenie rechi kak psihologicheskogo sredstva. Doctoral dissertation (Psychology)*. Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet. Moscow, 2012. (in Russian)

7. Loktionova A.V. Programma psihologicheskogo soprovozhdeniya rannih narushenij kontakta materi i mladencia: ot napryazheniya i neuverennosti k spokojstviyu i nadezhnosti v roli materi. In: *U istokov razvitiya: sbornik tezisov uchastnikov Chetvertoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii po psihologii razvitiya*. Moscow, 2013, pp. 43–44. (in Russian)

8. Favez N., Lopes F., Bernard M., Frascarolo F., Scaiola C.L., Corboz-Warnery A., Fivaz-Depeursinge E. The Development of Family Alliance From Pregnancy to Toddlerhood and Child Outcomes at 5 Years. In: *Family Process*. 2012. V. 51.No. 4, pp. 542–556. URL: http://www.readcube.com/articles/10.1111%2Fj.1545-5300.2012.01419.x?r3_referer=wol&tracking_action=preview_click&show_checkout=1 (data obrashcheniya: 10.11.2014).

9. Kravcov G.G. Otnogenez voli. In: *Vestnik RGGU*. 2012. No. 15 (95), pp. 29–41. (in Russian)

10. Kravcov G.G. Psihologicheskie sredstva lichnosti. In: *Materialy pervyh chtenij pamyati L.S. Vygotskogo*. Moscow, 15–17 noyabrya 2000. Pod red. I.A. Petuhovoj. Moscow, 2001, pp. 162–174. (in Russian)

11. Pautova N.Yu. Kolybel'nye kak sredstvo formirovaniya modeli mira rebenka mladencheskogo vozrasta. In: *Razvitie lichnosti*. 2010. No. 1, pp. 239–249. (in Russian)
